

Частный детектив
Татьяна Морозова

МАРИНА СЕРОВА

Кровавый
коктейль

АСТ

Марина С. Серова
Кровавый коктейль
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167070
Серова М. С. Кровавый коктейль: Повесть: Эксмо; М.; 2001
ISBN 5-699-18267-5*

Аннотация

Ушла из дома на занятия молоденькая девушка Аня. Ушла и не вернулась. Три дня спустя местный бизнесмен обращается к частному детективу Татьяне Ивановой с просьбой разыскать пропавшую. Его сын влюблен в Аню и очень обеспокоен ее исчезновением. Но едва сыщица приступила к работе, как ужасной смертью погиб отец бедняжки. Чуть раньше он получил видеокассету с записью, где дочь умоляла о спасении, а некий мужской голос за кадром сообщал: это похищение – месть родителю за давние грехи. Продолжая расследование, Татьяна выясняет, что двадцать лет назад город потрясли два таких же зверских преступления...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	35
Глава 4	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Марина Серова

КРОВАВЫЙ КОКТЕЙЛЬ2

Глава 1

Музычка, вечерочек, изысканная еда, классная выпивка. Все как в лучших домах Лондона и Парижа. Мы сидим в одном из известных тарасовских ресторанов, а именно в ресторане «Русь», с моим теперь уже бывшим клиентом, дело которого я успешно раскрутила. Он – банкир, владелец контрольного пакета акций довольно крупного банка «Стинко».

Задача моя была не из легких – выявить сотрудника, который занимался махинациями со счетами клиентов... Дело принимало дурной оборот. Банку грозило бесчестье и банкротство.

Вот тогда-то Константин Федорович и обратился ко мне.

Мое серое вещество успешно переварило всю имеющуюся информацию, а недостающую я раздобыла традиционными и нетрадиционными методами. И вот все уже позади. С Костей мы теперь на «ты» – с нынешнего вечера. Он счастлив, а я довольна, что некоторое время безбедного существования или несколько дней сказочного богатства – альтернативный способ траты денег – мне обеспечены. Вот по такому случаю мы и пировали в ресторане.

Костя – респектабельный мужчина приятной наружности, тридцати пяти—тридцати семи лет от роду, высокого роста, что всегда меня радует в мужчине, с которым приходится общаться, поскольку мой рост отнюдь не адекватен росту Дюймовочки.

– Ну, что, Танечка, может, коньячку повторим?

– Против коньячка ничего не имею, а еще я не против сменить место дислокации, – отвечаю я и загадочно улыбаюсь, глядя прямо в глаза собеседнику. Во мне по каким-то таинственным причинам проснулось вдруг чисто женское любопытство: «А во что это выльется?» В конце-то концов, могу же я хоть иногда позволить себе побыть просто женщиной, а не наемным частным детективом, пусть даже и лучшим в городе Тарасове.

– Тебе тут не понравилось, Танюша?

– Ну что ты! Все было восхитительно... Просто есть одно уютное местечко, где мы смогли бы с помощью гадания познать тайны будущего.

– Какая загадочность! В том, что ты классно разбираешься в настоящем, я уже убедился. И потому готов попытаться проникнуть в тайны будущего с твоей, разумеется, помощью.

Он улыбнулся своей ослепительной улыбкой и, знаком подзвав официанта, попросил счет.

– И еще, будьте так добры: принесите бутылку коньяка и коробку конфет. Мы возьмем это с собой.

Костя уложил покупки в кейс.

Одевшись, мы вышли на улицу. Погода сказочная, соответствующая настроению. Тишина – и снег валит огромными хлопьями. На душе безмятежность, по телу приятно разливается тепло от принятого и всосавшегося в кровь высокоградусного напитка, от изысканной пищи. Костин комфортабельный «Ягуар», припаркованный в десяти шагах от ресторана, уже изрядно припорошило снегом.

Костя постучал в стекло.

– Василий, спишь, что ли?

– Да прикорнул немного, Константин Федорович, – сказал водитель, открыв нам дверцы.

Он вышел смахнуть снег с машины, а я, плюхнувшись на заднее сиденье, устроилась поудобнее.

– Куда везти, шеф? – сев за руль, спросил водитель, оценивая меня, вероятно, с мужской точки зрения, при помощи зеркала заднего вида.

Я назвала адрес.

– Нам с госпожой Ивановой надо обсудить еще один производственный вопрос.

– Понятно, – лукаво улыбнулся Василий.

Машина плавно тронулась. Приятный запах кожи, исходящий от сидений, тихая музыка, всякие электронные прибамбасы плавно навели меня на мысль о том, что красиво жить – дело весьма балдежное. Идея, конечно, далеко не нова, но, увы, абсолютно верна.

Через двадцать минут мы были уже у меня дома, а Костин сверкающий «Ягуар» скромно прижался в темном уголке двора с Василием внутри. Ему, бедолаге, сегодня, вероятно, уже не попасть в свою теплую «люлю».

* * *

– Местечко и впрямь уютное. Познавать тайны будущего в таких условиях, я думаю, будет приятно, – осмотревшись, заметил гость.

– Ну, я, конечно, далеко не рассчитываю на то, что мои скромные апартаменты произвели на тебя неизгладимое впечатление, – парировала я и добавила: – Одежду можно оставить здесь, – и ткнула пальцем на шкаф в прихожей.

Костя помог мне снять шубу.

– Устраивайся, как дома, – предложила я, включив магнитофон, – а я кофе сварю.

– И будем гадать на кофейной гуще?

– На кофейной гуще не пробовала. У меня свой способ, и, на мой взгляд, весьма эффективный. Сам убедишься.

Я сварила кофе, разлила по красным фарфоровым чашечкам из мейсенского сервиза производства бывшей ГДР. Все должно быть красиво. Красота создает хорошее настроение, которое сегодня у нас, конечно, и без этого пасмурным не было.

Несу кофе на черном, расписанном красными розами под-

носе, ставлю на журнальный столик, где уже призывно поблескивает распечатанная бутылка старого французского коньяка. Рядом с ней раскрыла свои заманчивые недра коробка конфет самарской фабрики «Россия».

– О, я вижу, ты хозяйственный.

– Да, вот такой я положительный во всех отношениях мужчина. С тебя рюмки и... уборка территории.

– Какой еще территории?! – изумилась я.

– А вот обертка от конфет на столике валяется, – захохотал Костя. – Один – ноль в мою пользу.

– Да, похоже, я упустила из виду, что с юмором у тебя все в порядке. Вот рюмки.

Я отнесла обертку в мусорное ведро и, вернувшись, вновь опустилась в кресло.

Костя разлил коньяк.

– Прекрасно, – отхлебнув чуть-чуть, оценила я. – Но вернемся к нашим баранам, говоря словами классика. Ароматный коньяк отвлек нас от главного – от тайны будущего. Это же главная цель твоего визита в столь неурочное время.

– Да уж, просвети, Танюша.

Я достала мешочек с магическими костями, высыпала их на столик.

– Итак, суть в следующем: задаешь волнующий тебя в данный момент вопрос. Бросаешь кости... На них, как видишь, цифры. Их сочетания и приоткроют завесу будущего.

– А вопрос вслух задавать?

– Как душе угодно, можно и мысленно.

– Моей душе угодно вслух.

– Валяй.

– Что ждет нас с Танюшей в ближайшие пять часов? – с улыбкой изрек Костя, прижав «косточки» к сердцу обеими руками.

Я рассмеялась.

– Это и есть самый волнующий тебя вопрос?

– Ну, на данном этапе – да.

Бросок. $31 + 9 + 20$.

Толкования выпадающих комбинаций я, конечно, помнила наизусть благодаря частым гаданиям и своей феноменальной памяти, но Костя должен сам прочесть их, чтобы не подумал, что я сочиняю. Тем более что предсказание-то выпало, мягко говоря, не из приятных.

– Вот, читай сам. Только уж постарайся воспринять спокойно...

– Так, что тут у нас? А, вот. «Вы получите печальное известие о близком вам человеке, который в данный момент отсутствует». Какой кошмар. Надеюсь, что этого не будет. Врут твои кости. И вообще, все это ерунда.

– Ну не скажи. Я часто в своей работе обращаюсь к гаданию – помогает.

– А по-моему, тебе больше помогают твоя светлая голова и яркая, неординарная внешность.

С этим я спорить, конечно, не стала. Мелочь, а приятно.

Кончилась кассета. Я поставила другую. Из динамиков чуть слышно полились мелодии Марриконэ. Попыталась вернуться в кресло, но сильная рука Кости не позволила мне сделать это. Я упала к нему на колени.

– Давай, Танюша, попытаемся воспротивиться жестокой судьбе.

Его рука нежно погладила мои колени. Он притянул меня к себе и поцеловал так, что по спине побежали предательские мурашки, а по телу разлилась приятная истома.

– Пожалуй, я тоже наплюю сегодня на предсказания. Не хочешь потанцевать?

– Ну, если такая блондинистая зеленоглазая очаровашка предлагает слиться... в ритме танца, то я согласен.

Мы поднялись с кресла и плавно задвигались в такт музыке по ворсистому ковру, приятно ласкающему стопы ног. Наши движения чередовались с поцелуями. Костя нежно поглаживал меня по спине.

– Ох, сейчас замурлыкаю.

– Вот чертовка.

– «Стервь», – уточнила я. – Но это лучше, чем дура. Если у меня будет повод досадить тебе и ты разъяришься, лучше называй меня «стервой». За «дуру» я сразу голову отгрызу. А если иногда я и кажусь кому-то глуповатой, то лишь тогда, когда дело того требует. Оружие у меня такое. Чисто женское.

– Придется не выпускать твои очаровательные губки из

своих, а то ты слишком многословна, — засмеялся Костя.

Дойти до дивана и плавно «придиваниться» мы еще успели. Но с судьбой все же спорить бесполезно. С нашими планами она явно не считалась.

Едва слышный звонок в прихожей — я даже не сообразила, что это звонок, — и Костя поднял голову.

— Сотовый. Ну, не дай бог, твои предсказания начнут сбываться. Придется тебя убить, закопать и осиновый кол вбить, очаровательная ты моя ведьма. Пойду узнаю, кому я понадобился в столь поздний или, может быть, — он взглянул на часы, — столь ранний час. — Константин вышел в прихожую, достал сотовый телефон из нагрудного кармана своего добротного кашемирового пальто. Я стала в дверях, молча наблюдая.

— Слушаю вас. Валя?! Что случилось? Да успокойся ты, говори толком, что случилось, и перестань реветь!

Вдруг взгляд Кости потемнел. Побелели костяшки пальцев, все крепче сжимавшие телефон.

— Что?! Сейчас еду. Да-да. Выезжаю. Где ты? В больнице? Понял, еду.

Костя убрал телефон. Надел пальто.

— Вот так, Таня, извини. Правы оказались твои косточки. Несчастье с сыном. Он в больнице. Еду туда.

— Он жив?

— Да, слава богу. Надеюсь, увидимся.

— Я тоже надеюсь. И еще я думаю, что все обойдется.

Успокойся.

– Хорошо бы. Пока.

– Пока.

Закрываю за ним дверь и иду в зал. Отключаю музыку, наливаю себе коньяку. Пью его с чувством, с толком, с расстановкой, а заодно и размышляю о ситуации. Кости были правы, как и всегда. Кину-ка для себя.

– Что ждет меня в ближайшем будущем?

13 + 30 + 4 – «Вы раздосадованы невозможностью схватить то, что было так близко от вас и что неожиданно отдалилось от вас».

– Вот это верно, дорогие мои косточки. Тут, как говорится, в самую десятку. Сим откровением успокоимся и отправимся в объятия Морфея, поскольку других особых мужеска полу сегодня, увы, не предвидится...

Но и эти самые объятия пришлось покинуть гораздо раньше, чем задумано было по плану.

Звонок выволок меня из-под одеяла в девять утра. И кого принесло в такую рань? Иду открывать, попутно глянув на себя в зеркало и кое-как пригладив свою весьма роскошную после сна прическу.

В дверь настойчиво звонили.

– Да иду же, иду.

Набрасываю халат. Открываю дверь. Константин.

– Доброе утро, Танечка.

– Господи, ну как у тебя?.. С сыном все в порядке? Прохо-

ди, садись. Замучился, наверное. Слушай, если хочешь, коньяк у меня еще не кончился. Конфеты тоже. А кофе сварим.

Костя снял пальто и повесил его в шкаф. Прошел в зал и сел в кресло, в котором всего несколько часов назад он пытался искушать судьбу.

– Вот по поводу сына я к тебе в такую рань и приехал. Ты уж извини. Все расскажу, хотя даже и не знаю, с чего начать.

– С чего угодно, хоть с конца. Только позволь хоть немного привести себя в порядок.

– Хорошо, но побыстрее.

Я зашла в ванную: пятнадцати минут мне вполне хватило, чтобы выйти оттуда вполне готовой к серьезному разговору, за которым – в этом я уже не сомневалась – последует новая работа.

– Дай еще минуточку – приготовить кофе и тосты, за завтраком и поговорим.

– Спасибо, Таня, я уже завтракал, мне – только кофе.

Я кинулась на кухню, где постаралась максимально быстро организовать завтрак.

И вот ароматный кофе в окружении того же джентльменского набора, что и ночью. Натюрморт на подносе дополняли лишь тосты. Я присела к столу.

– Ну вот, теперь и слушать готова. Рассказывай, что случилось, чем смогу помочь?

– У меня несчастье с сыном. Очень рассчитываю на твою помощь.

– В чем именно? Давай-ка рассказывай поподробнее. На него напали?

– Нет, он отравиться пытался.

– Как отравиться?! Почему?!

Костя отхлебнул кофе.

– Понимаешь, я могу сейчас показаться тебе слишком многословным, но наберись терпения и выслушай, не перебивая. Хорошо?

Я промолчала в знак согласия.

– У нас с Вале́й есть сын, Артур. Ему шестнадцать лет. В детстве он у нас часто болел. Мы, соответственно, жалели его, ни в чем ему не отказывали.

– Одним словом, баловали?

– Есть немного, конечно. В садик он, разумеется, не ходил: всякие там бабки, няньки – Валя сама об этом заботилась. Я ей полностью в этом доверял. Ей хотелось, чтобы он был разносторонне развит, поэтому с ним куча разных учителей занималась. Учили Артура и французскому, и английскому, и музыке.

В итоге из нашего малыша вырос нервный, капризный подросток, который умеет иногда добиваться того, чего он страстно желает. И вот год назад он пришел к такому мнению, что музыка и есть его жизнь, его призвание, его будущее.

Несмотря на мои возражения, он поступил в училище искусств на фортепианное отделение.

– То есть он на втором курсе?

– Да, так. А в этом году в их группу пришла новая девочка – Анята. Она приехала с родителями из другого города, какого именно – не знаю. Ей тоже шестнадцать лет. Так вот, наш Артур безумно, прямо-таки патологически влюбился в эту Аняту. Все разговоры день и ночь только о ней. И друзья, и увлечения разные – все побоку. Она, конечно, симпатичная, славная девочка, но совершенно не нашего круга. Родители – простые рабочие. Отец, по-моему, даже выпивает. И я бы не удивился, если б узнал, что он и супругу поколачивает.

– А ты сноб, Костя. Вот уж не могла бы подумать.

– Да нет, я в общем-то ничего против их отношений не имел. Просто даже не вникал. Слишком занят всегда. А жена, конечно, истерики закатывала. Но Артур, как я уже говорил, иногда умеет стоять на своем. И вот теперь – главное: три дня назад Анята пропала.

– Как это пропала?

– Так, как это часто бывает. Ушла из дома в училище и не вернулась. Родители, конечно, в милицию обратились. Но ты сама знаешь, как наши менты работают.

– То есть ты предлагаешь мне найти девочку?

– Именно так. Родители Ани вчера, когда он к ним пришел, наговорили Артуру всякой ерунды: «Из-за вас, мол, „новых русских“, в стране такой бардак. Если бы с тобой, мол, не связалась, ничего бы и не случилось». По словам жены, он пришел вечером домой сам не свой, рассказал ей все.

А Валя по глупости возьми да ляпни: «Что бог ни делает – все к лучшему». Зря, конечно, но эта любовь сына к простолюдинке – она так говорит – всегда просто бесила ее.

Ну, Артур потряс домашнюю аптечку, набрал Валиных таблеток, тех, что она порой от бессонницы принимает, и проглотил все разом.

Хорошо, что она вовремя поняла. А у него глаза стали бешеные, зрачки расширились. В общем, вызвала «Скорую». Сделали ему промывание желудка, еще что-то. Короче, спасли, слава богу. Я был у него ночью в больнице. Врачи говорят: «Нервное потрясение». Я пообещал сыну, что найду Анюту.

– То есть пообещал ты, а искать придется мне. Так получается? А ты знаешь, что киднеппинг – не мой профиль... Пока, во всяком случае.

– Ты – частный детектив, черт побери! А я клиент. Желание клиента – закон!

Тут клиент с силой хрястнул кулаком себя по коленке и тут же, поморщившись, потер ее. Вероятно, слегка переборщил.

– Собирайся, Таня, поехали, – уже более миролюбиво добавил мой старый и опять же новый клиент. Он достал кожаный, уже знакомый мне по завершённому делу бумажник, отсчитал тысячу долларов.

– Это аванс. С твоими условиями я знаком. Ну что, договорились? Поехали?

– Что поделаешь! Видать, скоро я стану твоим личным детективом. Едем, конечно, к родителям девочки?

– Разумеется. Я тебя представлю. Могу машину свою в твое распоряжение предоставить. Сегодня у меня выходной.

– Хорошо, сегодня я попользуюсь твоей бескорыстной помощью. А дальше буду работать одна. Не люблю, когда у меня под ногами путаются. Иди в машину. Мне переодеться надо.

– Идет. Только поторопись.

– Спущусь через пятнадцать минут.

Закрыв за Костей дверь, я принялась за дело. Только не подумай, дорогой читатель, что я стала судорожно перебирать свой гардероб: облачаться в джинсы и свитер я научилась за сорок пять секунд. Как курсант полковой школы.

Остальные четырнадцать минут с секундами я потрачу на обдумывание ситуации и направления, в котором следует двигаться. Только одно мне сейчас способно помочь в этом – гадание.

Беру свой заветный мешочек с магическими костями, который все еще лежит на журнальном столике, концентрирую мысли (хотя концентрировать пока нечего) и задаю самый главный для меня в данный момент вопрос: «Что предпринять в ходе расследования?»

Бросок. Выпало $20 + 25 + 8$ – «Не позволяйте себе забыть прошлое, этим вы еще раз совершите ошибку».

И хоть ошибок в этом деле я на совершать не успела, для

себя все же решила, что в этом точно есть рациональное зерно. Вот это, может быть, как раз и есть та подсказка, которой я так ждала от своих милых магических косточек. Я сложила их, с чувством чмокая все по очереди, в мешочек.

Итак, свои мысли и поиски мне надо нацелить на прошлое, хотя сомневаюсь, что оно может быть столь уж богатым у шестнадцатилетней девочки.

На улице меня встречает солнечная, морозная погода и призывно распахнутая дверца «Ягуара».

Усаживаюсь поудобнее, вновь искренне посочувствовав бедолаге Василию. Для него и воскресенье – рабочий день. Костя называет адрес: «Курская, девять». Это в Трубном районе, который всегда считался в Тарасове одним из самых криминогенных. Костин «Ягуар», иной раз весьма неучтиво обгоняя другие автомобили, помчал нас к цели.

Глава 2

Улица Курская – вереница пятиэтажных кирпичных «хрущоб», если не считать двух «сталинок» со школой напротив них и одной девятиэтажки с солидным автомобильным магазином и вновь открывшейся аптекой. Дом номер девять располагался как раз напротив этой девятиэтажки. Машина, свернув во двор, плавно притормозила у подъезда.

Несколько старушек, явно обсуждавших последние известия двора и политику государства, разом повернулись в нашу сторону. Свежая тема для разговора явно их обрадовала. Да и немудрено. Такие автомобили, вероятно, здесь не столь уж частые гости, мягко говоря. Проследовав сквозь строй любопытных старушек, открыв перекошенную, на одной петле дверь, мы вошли в подъезд.

Гадюшник, пожалуй, даже сверх ожидаемого. Слева за дверью в углу – благоухающая лужа. Лестница, сплошь усеянная обертками от конфет, обрывками туалетной бумаги, окурками, лузгой от семечек, наверно, давно уже забыла о прикосновениях тряпки, на худой конец веника.

На третьем этаже резкий запах самогона. Видно, одна из старух, не присутствующая на дневной сессии дворового «парламента», активно готовилась к подпольному бизнесу. На подоконниках бутылки всех мастей, а на площадке между четвертым и пятым этажами клочки ваты и использованные

одноразовые шприцы. Сверху доносился специфический запах, свидетельствующий об еще одной подпольной торговой точке, сбывающей товар совсем иного рода. Квартира Ани под номером пятьдесят пять была на четвертом этаже.

– Да-а, обстановочка, – заметил Костя, нажимая на кнопку звонка. В ответ раздалась какая-то очень знакомая мелодия.

Дверь открыла заплаканная женщина тридцати с небольшим лет, в ситцевом, изрядно потрепанном халате.

– Здравствуйте! Калинины здесь проживают?

– Да, здесь, входите, пожалуйста. – Женщина отступила в глубь прихожей, освобождая нам пространство. В довольно длинном, но очень узком, уменьшенном наличием одежного шкафа помещении стало тесно, как в трамвае.

– Вера Ивановна, я – Курбатов Константин Федорович, а моя спутница – лучший детектив города Тарасова – Иванова Татьяна Александровна.

– Один из лучших, – уточнила я, справедливо решив, что скромность украшает женщину.

– Мы по поводу Ани.

– У вас есть какие-нибудь новости?! – с мольбой в глазах воскликнула женщина.

– Новостей пока нет, но они обязательно будут, если за дело взялась Татьяна Александровна. Это я вам обещаю.

– Можно просто Таня.

– Ой, что ж мы стоим, вешайте пальто да проходите в зал. Мы прошли.

Тесная двухкомнатная «хрущоба», переделанная в трехкомнатную, со стандартным для рядовых обывателей набором мебели: стенка, диван, два кресла, несколько стульев, старенький цветной телевизор «Альфа» на журнальном столике в углу у балкона. Напротив двери, на самом виду – старое, очевидно, ленинградской сборки, пианино «Саратов». Справа и слева от него двери: одна – в светлую, как потом выяснилось, Анину комнату, другая – в темную спальню, грузовое купе родителей. На одном из кресел стопка неглаженого белья. На диване спал, по всей видимости, горем убитый отец. И даже на расстоянии двух метров по запаху ощущалось, что горе свое он топил явно не во французском коньяке, а скорее всего в том самом напитке, который в данный момент изготавливали этажом ниже.

– Садитесь, пожалуйста, в кресла, – сказала Вера Ивановна, убирая белье.

Она вынесла его в свою комнату и вернулась. Сама села на стул у пианино.

– Может, чайку поставить?

– Спасибо, Вера Ивановна, мы уже завтракали. Давайте поговорим о случившемся. Расскажите поподробнее, как все произошло, – спросила я.

На глаза женщины вновь навернулись слезы:

– Да что рассказывать-то. Не знаю даже. Ушла, как обычно, в училище на занятия. Должна была вернуться в шесть вечера. До семи мы ее дома ждали. Потом пошли с отцом

на остановку, там до девяти простояли. Решили домой вернуться, думали, может, разминутись. И дома нет... Подождали еще с полчаса и поехали в училище. Там, конечно, никого, кроме сторожа. В милицию обратились. А дежурный нам говорит: «Может, она у подружки или у приятеля ночевать осталась. Подождите дня три. А уж потом заявление примем». Только ведь такого быть не могло. Она у нас без разрешения – никуда. Если только с Артуром на концерт какой или в кино, так заранее предупредит, чтоб не волновались.

С дивана полились трели храпящего хозяина. Выводил он их старательно, с чувством.

Вера Ивановна взглянула в его сторону и, смущаясь, спросила:

– Может, нам на кухню пойти? Чайку поставлю...

– Ничего, продолжайте, пожалуйста. Мне не мешает, – сказала я, борясь с острым желанием хрястнуть многострадального отца по физиономии.

– Ну, в общем, предупреждала всегда. А чаще они с Артуром у нас дома занимались: пели, на пианино играли. Я не возражала: пусть себе. Подружек у нее нет. Только приятельницы в группе, и все. Она вообще у нас не от мира сего. Да к тому же мы всего полгода назад сюда переехали.

– А до этого где жили? – спросила я, вспомнив наказ костей о прошлом.

– Вообще-то Коля – тарасовский. Он был единственным поздним ребенком в семье. Отец у него военный был. В со-

рок пять лет на пенсию вышел. Николаю тогда пятнадцать лет было. Вот тогда-то их родственники к нам в поселок Краснодонский и сманили. Это в Казахстане, в Кустанайской области. У нас там совхоз тогда хороший был и конезавод. И хозяйство у каждой семьи крепкое.

Вот родственники им и наобещали райских кущей. А ведь не все к земле приспособлены. Короче, не очень-то родителям Николая понравилось хозяйством заниматься. Они через три года вернулись в Тарасов, в свою квартиру, которую все это время сдавали знакомым, а мы с Колей поженились, и он остался жить у нас. Там и Анечка родилась.

В этом году бабушка Колина умерла, квартиру ему оставила. А в Казахстане жизнь совсем невозможная пошла. Мне вот тут, в Тарасове, и вспоминать сейчас страшно. Вы даже представить не можете, Танечка, как там люди живут. Про зарплату уже много лет не вспоминают. У колодцев много-часовые очереди за питьевой водой. Фляги набирают и пользуются.

Здесь все-таки полегче. И училище в городе есть. Анечка рядом с нами. А там она к нам только два раза в месяц приезжала.

Анюта – славная девочка, совсем не такая, как сейчас девчонки пошли. Вот у них в группе все курят, пьют, с парнями кружатся. И Артур ваш – славный мальчик, – спохватившись, обратилась Вера Ивановна к Косте.

Костя, до сих пор молчавший, спросил:

– А что же вы его, Вера Ивановна, так несправедливо отчихвостили? До нервного срыва мальчишку довели – в больницу попал.

– Да вы что! Ой, вы простите, Константин Федорович, ради бога. Это все Николай. Он, как Аня пропала, запил. А во хмелю он порой ох каким недобрым бывает.

Храп на диване, достигнув апогея, резко оборвался с нецензурными комментариями. Диван жалобно заскрипел под объектом «тарасовской недвижимости».

Мы услышали охрипший со сна и перебора спиртного голос Николая:

– Ишь, добрая выискалась. Все у нее хорошие, один я плохой.

Поразительное свойство хозяина не терять контроль над происходящим во время сна произвело на меня впечатление.

– Проснулся, Коля?

– А я и не спал. Слушал все, как ты за жизнь нашу непонятно кому рассказываешь. Толк-то какой?

– Таня – очень хороший детектив. Я просто уверен, что она найдет вашу Аню, – спокойно возразил Костя.

– Вы не слушайте его, Константин Федорович. Не со зла он. От горя.

– А ты помолчи, пока по репе не схлопотала.

Николай поднялся и сел на диване, взял стоящую рядом с диваном литровую банку с водой, жадно попил. Встал, пошел на кухню за сигаретами.

Несмотря на то, что, по словам хозяйки, Николай сильно горевал, тем не менее этот агрессивный детина под два метра, с трехдневной щетиной на щеках и подбородке, со всклоченной русой с проседью шевелюрой почему-то не вызывал во мне ни малейшего сочувствия.

Он закурил на кухне и, взяв пепельницу, вернулся, на ходу продолжая свое выступление:

– Милиция вон отказывается. А тут баба какая-то, детектив, вишь ли, горы золотые наобещала. А ты и сопли развесила. Обдерут как липку, еще и квартиру продать придется.

– Услуги детектива я оплачу. – Сжатые Костины кулаки, неподвижно пока что лежащие на коленях, свидетельствовали о его нарастающем раздражении.

– Ох, какие мы добренькие и богатенькие. С чего бы это! Да вы, б... эти «новые русские», всю страну развалили. Из-за вас, дерьмократов хреновых, такой бардак. Добро народное по карманам распихали, и они, вишь, – «новые русские», а мы – старые нищие. Никакой справедливости. Обобрали народ.

– Ну, вы, Николай Андреевич, любезнейший, не бушуйте. Мы к вам не на именины пришли, а помощь свою предложить. Вон Новодворская, к примеру, вчера по радио сказала, что социальное равенство гнусно, вредно и никому не нужно. А кто печется о неправильном распределении народного добра, тот пусть книжку Чубайса о приватизации читает. Там все написано, – отразила я выпад хозяина против

Кости. – И вообще, давайте к делу вернемся. Покажите мне лучше фотографии Ани.

– Сейчас-сейчас. – Вера Ивановна вскочила со стула, пододвинула его к стенке, достала с антресоли альбом. На первой странице голубоглазая малышка, казавшаяся игрушкой в огромных руках отца, рядом улыбающаяся мать.

Листая страницу за страницей, слушая комментарии Веры Ивановны, мы наблюдали возрастные этапы Ани: Аня в садике, в школе.

С последней фотографии на нас, улыбаясь, смотрела очаровательная голубоглазая девушка с длинными пшеничными волосами, в белом костюмчике, с букетом сирени в руках.

– Красивая у вас девочка, глаза такие огромные, – сказала я, очень понимая чувства Артура.

– Да, красавица, – с гордостью ответила Вера Ивановна.

– Не могли бы вы на время дать мне эту фотографию?

– Конечно, конечно.

– Лишь бы толк был, – добавил Николай, гася сигарету.

– Сделаю все, что смогу. Разрешите мне только еще комнату Анину осмотреть: книги, тетради. Может, хоть какую-то зацепку найду.

– Пожалуйста, вот ее комната. Проходите, смотрите, что надо.

Я поднялась с кресла.

– А ты, Костя, пока с хозяином о формировании рыночных отношений потолкуй.

Костя, улыбнувшись, махнул рукой.

– Побеседуем.

Осмотр комнаты ничего не дал. Тайное никак не желало становиться явным. Никакого намека на случившееся. Аня была аккуратной девочкой: в книгах, тетрадах, одежде – всюду порядок.

Мы вернулись в зал.

– Ну, все, Костя, поехали в училище, там поспрашиваем.

Вдруг раздался звонок в дверь.

– Коля, открой.

Николай вышел в прихожую, открыл дверь.

– Эй, парень, погода! Да стой же ты! Кто хоть передал эту штуку?

Мы все втроем вышли в прихожую. Николай стоял в проеме двери, держа в руках видеокассету.

– Кто это принес, Коля?

– Кто знает?.. Я дверь открыл – она на коврике лежит. А он на лестнице ждал. Увидел меня – и бежать.

– Как он выглядел? Быстрее говорите.

– Куртка кожаная, шапка норковая. И, по-моему, угри у него на лице.

– Пустите, я быстро.

Я выскочила в подъезд, птицей слетела вниз, раздувая потоками воздуха конфетные обертки. Выскочила из подъезда, осмотрелась – никого. Только старушки, разом повернувшие головы в мою сторону.

– Бабули, вы не видели сейчас парня в кожаной куртке и шапке норковой?

– Это с лицом таким прыщавым, что ли? – спросила одна.

– Да-да.

– А они на машине красной приехали. Один зашел, а другой в машине остался. Потом прыщавый этот выскочил как ошпаренный, и они уехали.

– А марка машины какая?

– Чего-чего?

– Ну, машина какая – «Жигули», «Москвич»?

– Ой, кто их, дочка, разберет. Вроде «Жигули».

– Спасибо, бабули.

Я вернулась в квартиру.

– Ну что? – спросила Вера Ивановна.

– Уехали, конечно, ждать не стали. Вера Ивановна, эту кассету надо посмотреть. У кого из соседей есть видеомагнитофон?

– Да кто ж его знает. У нас тут вроде ни у кого нет.

– У этих, новеньких с пятого этажа, может, и есть. Они вон, только квартиру купили, сразу евроремонт затеяли, – вмешался Николай. – Только кто ж нам даст?

– Я сам поговорю с ними. Заплачу – дадут часа на два, – бросил свое веское слово Константин.

– Давай, Костя, удачи тебе.

– Это в какой квартире?

– В шестидесятой, на пятом этаже. Крутые какие-то по-

селились. Может, у них и нет, это я просто подумал, что у таких должен быть.

– Посмотрим.

Костя вышел и минут через пять вернулся с видеомагнитофоном «Панасоник».

– Вопрос урегулирован. На два часа арендовал, – весело сказал он. – Денег дал – и все проблемы.

Через несколько минут, подключив видик к «Альфе», мы начали просмотр кассеты. Изображение было черно-белым, декодера у Калининых, разумеется, не было.

То, что мы увидели, нас потрясло. На диване у окна, зашторенного тяжелыми портьерами, навзрыд плакала Аня.

– Папа, что ты такого сделал? Почему мне сказали, что это все из-за тебя? За какое прошлое ты должен отвечать?

«Не позволяйте себе забыть прошлое», – мелькнула в моей голове подсказка магических косточек. Теперь ясно, чье именно прошлое имелось в виду.

Я посмотрела на Николая: на расстроенном лице – недоумение. Вера Ивановна тихо плакала.

Гнусавый голос – словно говорящему зажали нос – за кадром проговорил:

– Твоя дочь, подонок, вернется к тебе посаженной на иглу и вдоволь наобщавшись с хорошенькими мальчиками. Ты это давно заслужил.

На этом запись кончилась.

Вера Ивановна плакала навзрыд, смахивал слезу Николай.

Хмель с него как рукой сняло.

– Вера, ну ладно. Может, еще обойдется. Отдадим кассету в милицию. Они тоже искать начнут.

– Ой, что ж ты такого сделал, Коля?

– Да ничего я не сделал. Может, они меня с кем спутали.

– Николай Андреевич, вам обстановка, в которой находится Аня, ничего не напоминает?

– Нет, конечно. Что ж это за скоты, б..., такие? Чем им девчонка помешала?

– Похититель сказал, что всему виной ваше прошлое. Что вы об этом скажете?

– Что я могу сказать, если меня в Тарасове больше двадцати лет не было.

– Но ведь до пятнадцати вы жили в Тарасове. Может, в этот период произошло что-то, что посеяло зло в чьей-то душе?

Мне показалось, что в глазах Николая мелькнула тень догадки. На мгновение буквально. Но он тут же попытался это скрыть, злобно огрызнувшись:

– В пятнадцать лет я еще в школу ходил. Лучший «дефектив», а вопросы дебилные...

– Ладно, не бушуйте. Если вспомните что-то или решитесь вдруг сказать то, о чем подумали, позвоните мне. Вот мой телефон.

– Ничего я не вспомнил. Нечего мне вспоминать.

– Ну нечего так нечего. Хотя это в ваших интересах. Что,

Костя, поехали?

И, уже обращаясь к родителям Ани, я добавила:

– Надеюсь, вы разрешите мне взять кассету до завтра. Я хочу посмотреть ее в цветном изображении, подумать. Может, что-то не замеченное нами угляжу. Утром верну.

– Да, конечно, Таня. Только утром верните, пожалуйста. Мы с Колей в милицию ее отнесем.

Хозяйка протянула мне кассету.

– Договорились.

Кассета уютно нырнула в мою сумочку.

Мы с Костей поднялись с кресел, вышли в прихожую. Оделись, задевая друг друга локтями.

– До свидания. Если появится что-то новое – звоните. Телефон я вам оставила.

– Спасибо, Таня. Спасибо, Константин Федорович, за заботу. Вот ведь как бывает. Помощь иногда оттуда приходит, откуда и не ждешь.

– Ой, Вера Ивановна, – всполошился Костя, – видеомагнитофон вернуть надо. Давайте его.

– Уж лучше сами отключите. Я не знаю, что там к чему.

– Сейчас, подождите, – вмешался Николай. – Тут знать нечего.

Он отключил аппарат, принес его.

Еще раз попрощавшись с хозяевами, мы вышли в подъезд. Костя отправился наверх – возвращать видеомагнитофон, а я спустилась вниз по лестнице.

Когда мы вышли, столько времени страдавшие от тяжкого недуга любопытства бабушки закидали нас вопросами:

– К кому же вы приезжали-то? В шестидесятую, что ли?

Я решила, что в награду за сведения о красных «Жигулях» и прыщавом парне стоит удовлетворить их любопытство.

– Нет, бабули, к Калининым мы приезжали, в пятьдесят пятую квартиру.

– Родственники, что ли?

– Да нет, знакомые.

Костя уже сел в машину. «Ягуар» с распахнутой задней дверцей ждал меня. Василий включил двигатель.

– Уж не про Аню ихнюю ли новости привезли? Пропала она у них. Вот ведь горе родителям. Вот так растишь, растишь – и на тебе.

– Новостей пока нет. А вы, бабушки, случайно не видели ее в тот день?

– Как не видать – видели. Часов в десять она в училище ушла. Хорошая девчонка. Повезло Вере. Отец, правда, шалопутный.

– Ну в нашем подъезде лучше-то и нет, – вмешалась другая старушка.

– Это верно. Этот хоть пьяный в подъезде не валяется, как сосед ихний, Толька.

Нетерпеливо засигналил клаксоном «Ягуар». Похоже, терпение мужчин кончилось.

– До свидания, бабушки, меня ждут.

– До свидания.

Старушки провожали нас взглядом, пока машина не скрылась за поворотом.

– Мощный папашка у девочки, – с иронией произнес Костя.

– В смысле габаритов или интеллекта? – осведомилась я.

– Во всех смыслах.

– Куда ехать, Татьяна Александровна? – Василий глянул на меня в зеркало.

– Решаю. Хотела в училище наведаться. Но в связи с вновь открывшимися обстоятельствами придется ехать домой. Пообедаю заодно. – И мысленно добавила: «и погадаю».

– Ну, пообедать можно где-нибудь по дороге.

– Нет, Костя. Ваша с Василием миссия добротворения окончена. Везите меня домой. Дальше сама разберусь.

– Таня, по-моему, он догадался, за какое прошлое его наказывают.

– Мне тоже так показалось. Только, похоже, еще не созрел он, чтоб расколоться. Веру Ивановну и Аню жалко. Они-то, получается, ни за что страдают.

– Надо было потряхнуть его как следует... Как он выразился, по репе настучать.

– Пусть дозревает. Сам расскажет.

Если бы в тот момент я знала, как обернется все дальше, то лучше прибегла бы к методу стучания по репе. Но тогда

тайное еще не было для меня явным.

Со своими ангелами-хранителями, опекавшими меня почти целые сутки, я распрощалась у подъезда своего дома, выслушав напутствие Кости:

– Если что надо будет – звони по сотовому.

– Хорошо. Артуру привет.

– Передам. Раз ты досрочно отстранила меня от дела, еду сразу к нему. До скорого...

– Пока.

«Ягуар» – очаровательная кошка – мягко тронулся с места. Я вошла в лифт, на ходу расстегивая шубу.

Глава 3

Уже войдя в лифт, вспомнила, что если не загляну в супермаркет напротив дома, то обед мой будет крайне скудным, очень даже нищенским, а если быть совсем точной, это будет крохотный кусочек утреннего хлеба и остатки утреннего же кофе.

Тяжело вздохнув и мысленно попеняв на несчастную судьбу, я вновь вышла из подъезда и отправилась пополнять съестные припасы, тем более что мой желудок в скором времени обещал зазвучать набатом. Я шла и убеждала себя, что жить безбедно длительное время лучше, чем быть сказочно богатой всего несколько дней. Такую превентивную беседу с самой собой я проводила по той причине, что впускать меня в магазин голодную – дело рискованное для моего кошелька. Я могла скупить все, что попадется на глаза, а потом жалеть и корить себя за мотовство. И все-таки беседа явно прошла впустую. Из магазина я вышла обвешанная набитыми пакетами и, взглянув на себя со стороны, решила, что очень напоминаю верблюда. Вот такую до невозможности элегантную даму, согбенную непосильной ношей, и увидел Владимир Сергеевич Кирсанов, бывший мой однокурсник, ныне сотрудник УВД Центрального района.

– Танюша, привет!

– А-а, Киря. Привет!

– Ты чего это так нагрузилась? Пол-Тарасова решила пригласить в гости? Давай помогу.

– Гостей в ближайшее время не предвидится, это я свой скромный обед несу, – ответила я, отдавая ему самый тяжелый из пакетов.

– А не поплохее тебе от этого скромного обеда? Вот уж не думал, что ты способностями Гаргантюа обладаешь. Смотри не повреди свою классную фигурку.

– Постараюсь. А ты куда путь держишь?

– Да тоже что-нибудь перекусить надо бы. Как дела?

– А-а, – махнула я рукой, – так, с переменным успехом. Дело одно подкинули такое, что не знаю уж, с какого края подступиться.

– Что за дело архисложное для столь перспективной деятельности?

Мы подошли к подъезду.

– Киднеппинг. Девочка пропала. В Трубном районе.

– Да. Такие дела – дохляк. Выкуп, что ли, требуют?

– Да нет, не требуют. Как мне показалось – мстят за якобы позорное и мерзкое прошлое ее папашке!

– Что ж за папашка-то?

– Скажем так: не Ален Делон, светскими манерами явно не испорчен, а интеллект так вообще на уровне питекантропа.

– Хочешь совет, бесплатный и бескорыстный?

– Валяй.

– В архиве УВД Трубного района порыться надо: может, преступление аналогичное надыбаешь по похищениям или свет прольешь на темное прошлое папашки.

– Совет дельный, однако. Только на это и у меня ума бы хватило. Но в архив ведь еще прорваться надо. Ваш брат не шибко нас, частных детективов, жалует.

– Это точно. Нам за ту же работу зарплату нищенскую дают, а вы деньгу лопатой гребете. Социальная несправедливость.

– Ладно, судьбой обиженный, не прибедняйся. Лучше скажи, сможешь организовать просмотр архива?

– Помогу, чем смогу, но не бескорыстно, – улыбнулся Кирсанов. – Там ведь живые люди работают. Жаждой измученные...

– Вот змий зеленый, – рассмеялась я. – Ладно, жаждущим твоим помогу, дело святое. Ты организуй только. Созвонимся. Я с утра займусь. Сегодня кое-какие другие дела есть. Вечером позвони мне, скажешь, удалось ли тебе проверить. Часиков в семь так.

– Заметано. Ну все. Забирай свой обед. Меня время поджимает. Перерыв уже кончается.

Кирсанов направил свои стопы в супермаркет, а я кое-как доплюхала до лифта и через несколько минут уже колдовала у плиты.

Поскольку я напрочь разочаровалась в консервированных голубцах, мясо-растительных, к коим явно не относятся сло-

ва набившей оскомину рекламы: «Попробовав раз, ем и сейчас», – я решила заменить их котлетами «Богатырскими». Обжаренные в сливочном масле, они неплохо дополнили спагетти. К ним салатик из крабовых палочек, пирожные на десерт и так далее. Люблю повеселиться, особенно... поесть.

Наконец желудок мой запросил пощады, а ум – расслабления. Физический труд в этом случае – лучшее лекарство. Поэтому я занялась мытьем посуды и размещением купленных продуктов. И если первое удалось без особых эксцессов, то второе потребовало полной отдачи сил и большой изобретательности.

Мой маленький холодильник никак не хотел вмещать в себя все, что я с трудом дотащила из супермаркета. Особенно досталось банке с кукурузой и бутылке «Миринды». Пока я запихивала одну из них, вторая в это время успевала вывалиться.

Наконец обе они нашли свое, так сказать, место под солнцем, выпихнув при этом с насиженного места банку майонеза, которая, слегка цокнув об пол, разлетелась вдребезги, расплзшись жирным белым пятном по линолеуму.

Вот черт! Этого мне только и не хватало для полного счастья. Жадность фраера сгубила.

Пришлось заниматься незапланированной уборкой, что заставило меня взять в руки тряпку. А это, к сожалению, весьма чревато. Когда я веду какое-то дело, то к тряпке стараюсь не прикасаться. Просто из своего опыта знаю, что,

если только возьму ее в руки, пробегаю весь день, вновь и вновь открывая грязные закоулки.

Так и вышло. Уборка разлитого майонеза плавно перешла в грандиозные археологические раскопки. Двигаясь с тряпкой по периметру своей квартиры, я замерла перед журнальным столиком, на котором сиротливо лежал пустой замшевый мешочек, а разбросанные кости замерли в последней комбинации, выпавшей мне до ухода из квартиры.

Трудовой энтузиазм разом иссяк, подавленный чувством долга. Я взглянула на большие настенные часы над столиком.

О-ля-ля! Уже половина третьего, а у меня ни коня, ни во-за. Кассета не просмотрена и не проанализирована, посещение училища на нулевой стадии. И даже не погадала.

А зря! Ведь именно посещение училища, где учились Аня и Артур, могло дать новую информацию, следовательно – поправить мое пошатнувшееся настроение и навести порядок в мыслях, в которых за последние сутки явно были замечены разброд и шатание. Не случайно же с таким упоением схватилась я за тряпку при виде всего лишь лужи майонеза. Убрать ее было делом минутным. А перетекание этого процесса в генеральную уборку свидетельствовало о том, что я нахожусь в растерянности, в тупике, что на глазах моих темная повязка и я просто понятия не имею, в каком направлении мне двигаться. И тяга к физическому труду – лишь своеобразная психологическая защита, только и всего.

От всех этих мыслей голова моя раскалывалась, и перед

броском магических косточек я решила наградить себя чашкой очень крепкого кофе, хотя душа настойчиво просила рюмку коньяка. От спиртного пришлось отказаться в связи с тем, что мне может понадобится моя верная «девятка» цвета беж.

Впервые процесс гадания шел с такой долгой прелюдией. Я встала, вышла на кухню. И пока заваривала кофе, мысли все кружились и кружились, но, как ни странно, не столько вокруг пропажи девочки, сколько вокруг ее непутевого отца, который, по словам старушек, был положительным человеком хотя бы уже потому, что не валялся в подъезде пьяным. И, как потом выяснилось, мое шестое чувство все-таки оказалось на должной высоте.

Я сняла с плиты джезве. Сначала – гадание, а оставшееся время распределю позже. Вернувшись в кресло с чашкой кофе, я буквально минутку посидела спокойно, закрыв глаза и концентрируя мысли. Подскажите мне, косточки, что было, что будет и чем дело кончится? Бросаю.

14+25+2 – «Кажется, на вашем пути есть препятствие, но непредвиденная задержка в достижении цели пойдет лишь на пользу. Не следует слишком рваться вперед».

Вообще-то не заметила, что рвусь вперед, опережая события. Кажется, даже вы, косточки, растерялись. Для вас это дело тоже тайна, покрытая мраком. «Ладно, разберемся по дороге в училище», – сказала я самой себе, хлопнув ладонями по подлокотникам мягкого кресла.

И тут же стукнула по ним кулаками, вспомнив, что даже не спросила у Веры Ивановны, как была одета Аня в день исчезновения. Ну ты, Таня, даешь! Во, блин, суперагент ноль ноль одна седьмая. Кошмар! Вероятно, жаркая дискуссия с Николаем Андреевичем отрицательно повлияла на мою феноменальную память.

Проко-ол! И телефона у них нет. Немного подумав, я решила отложить повторный просмотр кассеты на вечер, а сейчас, немедленно прыгнув в машину, следует нанести им еще один визит. При этом во мне снова проснулась надежда, что на сей раз Николай Андреевич все-таки поделится своими воспоминаниями.

Я взглянула на часы. Пятнадцать ноль ноль. Если учесть, что эти дети учились во вторую смену, то я смогу рассчитывать на встречу с их преподавателями и однокурсниками.

Хотя, конечно, неплохо было бы и Артура посетить.

Я сложила косточки в мешочек, прошла на кухню, ополоснула чашку из-под кофе. Оделась, взяла сумочку и, захватив с полочки, на которой стоял телефон, ключи от машины, вышла из дома.

Солнечный зимний день был на излете. Мороз усилился. Холодноовато, черт возьми. Придется немного помучиться с моим верным конем, пока заведу. Но, слава богу, мои опасения не оправдались. Я выгнала машину из гаража, быстро добралась до Побережной улицы и, свернув направо, направилась в сторону Трубно́го района. Взглянув на приборы,

обнаружила, что топливный бак практически пуст, и слава богу, что по пути, всего в нескольких кварталах, есть бензо-заправка, куда я и зарулила через пару минут.

А спустя еще несколько минут я, чертыхаясь, кляла судьбу и наглую ложь магических косточек, которые обещали приятное путешествие. Лошадка моя чихала, фыркала и обиженно замолкала, непонятно чего от меня требуя. Мои знания двигателя и ходовой части автомобиля были столь «обширны», что простучать колеса я еще смогла, но это не решило мою проблему. В автошколе «Вираз», которую я закончила и которую в шутку величала «Кювет», устройство автомобиля нам не преподавали. Пришлось ловить попутку, буксировать машину в авторемонтную мастерскую, хорошо хоть, что она была тоже неподалеку.

Сдав машину на лечение, взмыленная уже, я выскочила снова на Побережную и кинулась на троллейбусную остановку, размышляя о том, что приятное путешествие троллейбусом до Трубного района займет у меня столько времени, что в училище искусств ехать будет слишком поздно.

И тут меня осенило. Я мысленно хлопнула себя по лбу. Мне же нет необходимости ехать к Калининым. Ведь однокурсницы Ани тоже знают, как она была одета. Ну, Таня, ну, Шерлок Холмс тарасовского разлива! Совсем закружилась, нюх потеряла.

Я перешла на противоположную сторону и, втиснувшись в переполненный троллейбус, поехала в училище искусств.

Путешествие, доставлявшее мне массу наслаждений, моральных и физических, успешно продолжалось. Тесный контакт с попутчиками пробуждал во мне бурю чувств. А тут еще через пару остановок, выскочив из кафе, в троллейбус ворвались две девчушки. Активно работая локтями, облизывая на ходу мороженое и громко беседуя, они притерли меня к широкой спине в дубленке. Запах кожи, но совсем не такой, как в «Ягуаре», и высокочастотные голоса моих соседей потихоньку начали накручивать во мне пружину раздражения. И я уже готова была принять кардинальные меры, правда, еще не решив, какие именно, как вдруг кое-что услышанное резко изменило мое к ним отношение, а к следующей остановке я вообще стала испытывать к ним теплые, дружеские чувства.

Поболтав о том, что через несколько минут перерыв в занятиях заканчивается и что Юра-дирижер «достанет» их теперь своей простотой, порицая за опоздание или, что еще вероятней, вообще не пустит, они перевели вдруг разговор на то, от чего мои уши мгновенно переселились на макушку, развернувшись в сторону болтушек, будто локаторы.

– Ирк, ты слышала про ЧП в училище?

– Какое ЧП?

– Ну, девку одну с фортепианного похитили. Аньку Калинин.

– Я никого с фортепианного по фамилиям не знаю. Так, на лицо еще туда-сюда. А по фамилиям – нет.

– Да знаешь ты ее. Она на всех концертах играет. Перспективная девочка. Даже наш Юра на нее западает. «Талант», – говорит. Она еще в белой шубке такой из барашка ходит и в серой шляпке драповой. Заметная такая. Высокая, глаза здоровенные, синие, и волосы длинные, шикарные...

– А-а, вроде припоминаю. А ты откуда знаешь?

– Да ты что. Все училище на ушах стоит. Она пошла в «консу» ноты ксерить. Оттуда вышла, а ее прямо на улице среди бела дня в машину затолкали – и фьюить! Баба Клава, гардеробщица, сама видела.

– Ни фиги себе! В центре города?!

– В том-то и дело.

То, о чем они говорили дальше, я уже слушала вполуха. Это уже был просто треп с подхихикиваниями о «кавказской пленнице», о возможном таинственном женихе и так далее. Объявили остановку «Бабушкин взвоз», и мы вышли. Девчонки, развив сверхзвуковую скорость, понеслись на хор, а я шла размеренным шагом, обмозговывая случайно подслушанную информацию. Косточки правы. Задержка в пути пошла мне на пользу. Чувство благодарности к ним согревало мое сердце.

Поднявшись до улицы Радищева, я вышла к училищу, старому зданию, имеющему, несмотря на свой возраст, все же свежий вид. Филенчатые двери с белыми пластиковыми ручками с креплениями под позолоту. Фойе выглядело, как зал коммерческого банка. Не слабо. Слева у двери швейцар, ес-

ли это, конечно, не слишком громко звучит.

Спрашиваю у него в первую очередь про гардеробщицу бабу Клаву, но оказывается, сегодня не ее смена. Выяснив расположение учебной части, поднимаюсь на второй этаж. Все красиво, ухожено. Не верится даже, что это учебное заведение. Прохожу по коридору, стучу в кабинет завуча. Об Ане она мне многого поведать не смогла, отфутболив меня с этим вопросом к классному руководителю на третий этаж. Сказала только, что Аня девочка талантливая и старательная. Но зато у нее я узнала адрес бабу Клавы.

Поднявшись на третий этаж, я, образно выражаясь, выпала в осадок. Ободранные, облезлые стены, двери с облупившейся краской. Да-а. Все по-нашенски.

Поэтому первое, что я спросила у классного руководителя, разумеется, сначала представившись, в силу своего женского любопытства, это о причине такой разницы между этажами. Ответ оказался весьма банальным. В городе, на стадионе за училищем, проходил фестиваль, а первые два этажа были подготовлены в качестве гримерных для известных артистов, приехавших из столицы. Третий этаж не был задействован и служил во время фестиваля складом. Возможно, дорогой читатель, я слишком отвлекаю тебя от главного в своем повествовании лишними подробностями, но, как частный детектив, я привыкла обращать внимание на любые мелочи: это оттачивает ум.

Посетовав на искреннюю любовь нашей городской адми-

нистрации к искусству и безразличие к детям, я перешла к истинным целям моего визита.

– Ксения Викторовна, я к вам по делу. Я – частный детектив и разыскиваю пропавшую девочку.

– Аню Калинину?

– Конечно. Я надеюсь, другие у вас еще не пропали?

– Тьфу-тьфу-тьфу... Что конкретно интересует вас, Татьяна Александровна?

– Можно просто Таня.

– Хорошо, Танечка.

– Расскажите мне, пожалуйста, поподробнее об Ане, о ее друзьях, знакомых, о том, как это все случилось.

Ксения Викторовна произнесла фразу, которую я сегодня слышала уже неоднократно: «Аня – хорошая девочка: умненькая, талантливая», и так далее все, что я уже знала.

– А с кем-нибудь в группе она дружила?

– У нее со всеми хорошие, ровные отношения. А дружит, собственно, только с одним мальчиком. Правда, еще с девочкой одной. Сошлась с Олей Капустиной. Они с ней в одном районе живут, вместе домой ездят. Может, с ней поговорите?

Олю я нашла в соседнем классе за фортепиано. В момент, когда я входила, она играла нечто весьма, по моему мнению, напоминавшее пляску чертей в аду или карася на сковородке.

– Оля, динамика, динамика!

А на мой взгляд, динамики было даже как бы многовато.

– Закройте, пожалуйста, сударыня, дверь с обратной стороны, – безапелляционным тоном обратилась ко мне сидя преподавательница, – что вы врываетесь так бесцеремонно?! Здесь все-таки идет творческий процесс. Тем более занятие закончится через пятнадцать минут.

Я извинилась и, втянув голову в плечи и вывернув губы сковородником, что, по моему понятию, означало обескураженность, вышла из класса.

От Оли я, в принципе, ничего полезного для себя не узнала. Только то, что Аня в тот день была такой, как всегда. Настроение ее ничем не было омрачено.

– Она вышла на минутку буквально в консерваторию. Это рядом, через дорогу. Там ксерокс самый дешевый в Тарасове. А ей надо было ноты переснять. Нам же ноты в библиотеке только переснять дают: фондов не хватает. А после этого на специальность уже не пришла. Мы с ней ансамбль играем. Я ее прождала, потом преподаватель меня отпустила. Свою партию каждая из нас уже на память знает. И потом, на следующий день, тоже не пришла. Я к ней заходила. Думала, что она заболела, а там мама ее в слезах вся. А вчера случайно узнала, что гардеробщица видела вроде, как она в машину красную садилась.

– Красную? А марки какой?

– Да я не спросила.

– Ну, спасибо, Оленька. Ты мне очень помогла.

Я вышла на улицу, развернула бумажку с адресом гарде-

робщицы. К счастью, жила она недалеко: в пятиэтажке за парком «Березки». Так что десять минут спустя я пила горячий крепкий чай на кухне гостеприимной бабы Клавы.

Встретила она меня как хорошую старую знакомую, и, когда я представилась, она заметила:

– Да какая разница, дочка, кто ты. Главное – был бы человек хороший. Я одна живу. Дети редко наезжают. Так что гостям всегда рада. Раздевайся, проходи на кухню, горячим чаем угощу. Замерзла небось?

– Да, мороз к вечеру разгулялся, спуску не даст, – ответила я, устроив свою шубку на вешалку.

– Садись вот тут у батарейки, согреешься быстрее. Давай рюмочку домашней крепенькой плесну? И сама с тобой выпью. Тогда и поговорим.

Решив, что теперь это уже не повредит ни моим действиям, ни моему имиджу, я махнула рукой:

– Давайте, баба Клава!

– Вот, Танечка, выпей и грибочком закуси – сама солила. – Она протянула мне рюмку с янтарной жидкостью. Вкус оказался не менее приятным, чем цвет.

– Потрясающе! Вы просто волшебница, баба Клава. Не хуже, чем коньяк! Кстати, ничего, что я вас так называю?

– Ради бога. Меня все так зовут. А напиток на травах настоян. Для здоровья полезен. От простуд спасает. Картошечки положить?

Мы поели картошечки и попили чайку. И мне было так

уютно у старушки, что уходить не хотелось. Поэтому я так и затянула с началом разговора. Но – работа есть работа.

– Баба Клава, меня к вам дело привело. Я очень рассчитываю на вашу помощь.

– Какое дело, Танечка?

– В училище, где вы работаете, мне рассказали, что вы видели, как Аня Калинина уезжала в красной машине. Она пропала. Я по просьбе моего знакомого хочу ее найти. Расскажите все, что видели.

– Да я не знаю, она ли то была, не она ли. Девочка в белой шубке.

Я показала старушке фотографию:

– Вот эта?

Баба Клава принесла очки, водрузила их на переносицу, вытерла руки о передник и только потом взяла фотографию. Внимательно рассмотрела.

– Да, эта. Я все косами ее любовалась всегда. Сейчас мало у кого такие. Все время ей вслед глядела. А она еще так долго одевается. То тут, то там поправит. А волосы под шляпку не помещаются. Уж она их и так, и этак. А мальчик ее, который все с ней ходил, чистенький такой, как вылизанный, душистенький, облокотится на стену и ждет. Мне все интересно было, как это у него терпения хватает. Я иной раз выгляну за ними, может, он ей все по дороге, думаю, высказывает. Это я к чему говорю-то. Эту красную машину, до того, как Аня в нее села, я уже дня два как примечала. Выйдут ребяташки

из двери-то, а они за ними потихоньку поедут, а потом разворачиваются и уезжают.

– А как в тот день было, баба Клава? Она сама к ним села или ее затолкали?

– В тот день она выскочила, шубку схватила, накинула. Даже в зеркало не глянула, спешила. Девчата рассказывают, что она на минутку в консерваторию побежала: ноты к уроку переснимать, здесь рядом, через дорогу. Ну тут урок начался, я гардероб закрыла, за пирожками пошла – у нас столовая закрыта была. А она как раз у светофора на той стороне улицы стояла, на урок возвращалась. Тут эта машина и остановилась. Парень вышел, за руку ее взял и потянул. Она, правда, не кричала, только по сторонам как-то испуганно посмотрела. Ну, он подтолкнул ее на переднее сиденье. Она и села. И они уехали. Я думала, может, знакомые какие. Это уж потом, как искать стали, я поняла, что с чужими она уехала. Вот и все, что я знаю.

– А машина какая была, баба Клава?

– Так я ж говорю: красная.

– А марка какая: «Волга», «Москвич», «Жигули»?

– А-а, «Жигули», «Жигули», да.

– Номер случайно не запомнили?

– Да кабы знала, что понадобится, я бы и запомнила. А так что ж, шпионка я, что ли.

– А парень как выглядел, не рассмотрели?

– Да улица-то там неширокая. А я уже до середины дошла,

когда красный свет зажегся. Разглядеть можно, конечно, было. Я еще подумала: вот девчонки какие непостоянные – такого приятного мальчишку на корявого променяла; видать, потому, что с машиной.

– Это как корявого?

– Да лицо у него исковырянное какое-то, все в шишках фиолетовых.

Оп-ля, Таня, малюсенький кончик тонюсенькой ниточки у тебя в руках. Осталась фигня – всего-навсего найти его, «прыщавого», как окрестили его другие наблюдательные бабушки.

– А как он был одет?

– Да как все сейчас ходят.

Описание одежды совпадало тоже, если не считать, что в описание его гардероба баба Клава добавила живописные спортивные штаны.

– Ну, как клоуны ходят, в таких штанах только в цирке выступать аль на пляж ходить, а они их с куртками кожаными носят. Тьфу, пропасть, – закончила баба Клава свое эмоциональное выступление.

Наступило время завершить свой визит, не стоило злоупотреблять гостеприимством радушной хозяйки, тем более что время – деньги.

– Спасибо вам за все, баба Клава. Вы помогли мне и душу уставшую, заледенелую согрели. Я счастлива была бы, будь у меня такая бабушка.

– И тебе, Танечка, спасибо. Посидели с тобой душевно. Заходи еще. Я гостям всегда рада.

Одевшись и попрощавшись, я вышла. Было уже половина седьмого. На беседу с бабой Клавой я потратила больше, чем на все встречи в училище. Но должны же быть в работе детектива и приятные моменты. Если всегда поддерживать имидж супергерл, то и душа в сосульку превратится. Хотя мне самой было непонятно, как это я, столь стремительная в расследовании любых запутанных дел, в этом вдруг подрастеряла свою пунктуальность, четкость в действиях и превратилась в сентиментальную барышню, запутавшуюся в обстоятельствах. Через тридцать минут будет звонить мой дражайший друг Кирсанов, а к этому времени я вряд ли доберусь домой. Придется автоответчику потрудиться.

По плану я еще Артура должна навестить, а для этого надо прибегнуть к услугам его отца, поскольку мне неизвестно, в какой больнице мальчик, – это раз, и неисправность моей машины – это два. Зато у меня хоть жетончик есть, телефон-автомат рядом, на углу дома, если, конечно, и он не воспротивится моей железной воле. Потому как вчера вечером мобильник мой вдребезги разлетелся, вывалившись на лестницу из кармана куртки, – это три.

Глава 4

Телефон-автомат, к счастью, был исправен. Я набрала номер сотового телефона. Костя ответил сразу, но слышимость была такая, будто я звонила на Камчатку. Поэтому за целых две минуты разговора мы с большим трудом договорились лишь о встрече у парка «Березки».

Пока Костин «Ягуар» прибыл к месту моей дислокации, я успела из очаровательной леди превратиться в танцующее заиндевелое существо, выстукивающее зубами сарабанду. Поэтому появление знакомого средства передвижения вызвало у меня неописуемый восторг. Я кинулась к машине, едва сдерживая победный клич «И-я!».

– Вай, пустите погреться бедную женщину, – сказала я, пулей влетев в недра «Ягуара». – Привет!

– Привет, – одновременно ответили мужчины.

– Костя, а у бессменного Василия выходные бывают?

– Не волнуйся, Танечка, с понедельника по воскресенье будет работать его сменщик. У меня два водителя. А вот ты, по-моему, по совместительству еще и профсоюзным лидером служишь. О правах трудящихся печешься. Как дела? Просвет появился?..

– Почти. Аню похитили те же, кто привез кассету.

– И это все?

– Пока все, но я старалась.

Я, конечно, немного слукавила, если учесть посещение бабы Клавы, но Косте знать об этом ни к чему.

– Не густо. Куда путь держим?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.